

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

В ТЕОРИЯХ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ТИПА

Автор: Н. Н. ЗАРУБИНА

ЗАРУБИНА Наталья Николаевна - доктор философских наук, профессор кафедры социологии МГИМО (У) МИД России (E-mail: n-zarubina@yandex.ru).

Аннотация. Анализируется место социально-экономической проблематики в социологическом постмодернизме. Рассматриваются постмодернистские подходы к проблемам эпистемологии, детерминизма и репрезентации, их влияние на осмысление социально-экономических реалий в работах современных социологов.

Ключевые слова: социологический постмодернизм • социально-экономическая проблематика • репрезентация • детерминизм

На протяжении последних десятилетий в социальном знании формируются теории и подходы к рассмотрению социально-экономической проблематики, которые можно охарактеризовать как знание постмодернистского типа. Для них социально-экономическая проблематика не является самостоятельным предметом изучения, но отде-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проекты N 10 - 06 - 00424-а и N 12 - 06 - 00112-а.

льные процессы и явления хозяйственной жизни, а также положения экономической теории постоянно попадают в поле исследований. Общеизвестно, что важнейшим интеллектуальным истоком постмодернизма послужило осмысление новых тенденций в искусстве, в особенности в архитектуре (Ф. Джеймисон, позднее М. Кастельс) и в естественных науках (Ж. -Ф. Лиотар). В то же время, практически у всех относимых к социологическому постмодернизму исследователей современные тенденции развития капиталистической экономики хотя и не становятся основным предметом анализа, но выступают в качестве важнейшей предпосылки формирования особой парадигмы теоретизирования. В работах одного из самых ярких и радикальных представителей социологического постмодернизма, Ж. Бодрийера, отмечает его исследователь А. Дьяков, "всё есть экономика", она охватывает прочие сферы жизни [Дьяков, 2008: 50].

Знание постмодернистского типа не рассматривается мной как значимая теоретическая альтернатива научному социологическому и, тем более, экономическому знанию. Однако сформулированные в его контексте подходы к рассмотрению социально-экономических проблем достойны пристального анализа, потому что обладают эвристическим потенциалом, позволяющим выявлять качественно новые аспекты социально-экономических процессов в современном обществе. Классическая и неклассическая социология и экономическая теория оказались не способны дать адекватные ответы на целый ряд вызовов современного развития. Ни экономическая наука, ни социология не смогли своевременно и точно прогнозировать глобальный финансово-экономический кризис и предложить действенные меры для его предотвращения, не раскрыли его глубинные причины и предпосылки. Социальные последствия кризиса пока также не получили адекватного осмысления.

Все это свидетельствует о том, что социальное знание нуждается в серьезном обновлении. И в связи с этим одной из его важнейших задач, на мой взгляд, является формирование новых теоретико-методологических подходов, адекватных вызовам современности. Анализ специфических подходов к социально-экономической проблематике в рамках социологических теорий постмодернистского типа может дать новые импульсы социологическому воображению ученых.

Место социально-экономической проблематики в науках постмодернистского типа. Для представителей социального знания постмодернистского типа динамика экономической жизни и экономической мысли - важнейший источник осмысления качественных изменений в обществе и в характере социально-гуманитарного знания. При этом постмодернистский подход обладает рядом принципиальных отличий от классических научных парадигм, которые сказываются и на исследовании социально-экономических явлений. Следует подчеркнуть, что постмодернизм - это особое мировосприятие, сформировавшееся в современном обществе, *это способ рассуждения, теоретизирования* о быстро трансформирующейся и усложняющейся социальной реальности, а не сама реальность (постмодерн). Постмодернизм не отменяет и не отрицает реальность, как это иногда представляется на основании характерной риторики и терминологии представителей этой парадигмы, он предлагает иной взгляд на реальность, иную оптику ее рассмотрения, постановку принципиально новых вопросов о реальности и иные способы анализа.

Особенности постмодернистской метапарадигмы как реакции научного знания на трансформации социальных реалий показаны в работах С. Кравченко [Кравченко, 2010а, 2010б]. Центральная проблема теоретизирования постмодернистов - поиск нового способа осмысления реальности, в том числе социально-экономической. Эпистемологические основания социологического знания переосмысливаются в науках постмодернистского типа в контексте противоречия между, с одной стороны, недостаточностью рационалистической парадигмы познания общества и невозможностью установления однозначных детерминистских связей экономики и других сфер общественной жизни, и, с другой стороны, тотальностью рынка как универсальной объяснительной основы практически всех социальных процессов в современном обществе. Вопрос в том, насколько социологические подходы постмодернистского типа

к исследованию социально-экономической жизни адекватны задачам социологического знания, что они дают в эвристическом плане для понимания современности.

Эта проблема в общетеоретическом плане ставилась отечественными исследователями. Примечательны работы Ж. Тощенко и И. Бутенко, в которых дана оценка проникновения постмодернистского способа мышления в социологическое знание. Авторы выделяют такие особенности постмодернистского социологического теоретизирования, как сдвиг исследовательского интереса в направлении субъективности, методологический эклектизм и распространение междисциплинарных подходов, отсутствие строгой исследовательской логики и единого категориального и понятийного аппарата, отсутствие четко сформулированных критериев истины, отказ от авторитетов и классических образцов, релятивизм познавательных установок, ориентация на уникальное и неповторимое, а не на типичное [Тощенко, 1999; Тощенко 2002; Бутенко, 2000].

Данные трансформации научного знания отражают две основные познавательные установки постмодернизма: во-первых, отказ от построения "больших нарративов" ("гранд-теорий"), обладающих универсальной объяснительной способностью; во-вторых, отказ от классического детерминизма, от однозначных причинных связей, объясняющих социальные процессы. В социологии это все приводит, как отмечает Ж. Тощенко, к деформации и дезинтеграции научного знания, проявлением чего становится кризис понятийного аппарата [Тощенко, 2002: 3].

В то же время С. Кравченко справедливо отмечает, что "многообразие и неопределенность социума способствуют теоретической египтимации, по существу, разных типов мышления и разных подходов к самим трактовкам социологического воображения" [Кравченко, 2010b: 200]. Т.е. само развитие общества, которое становится все более сложным, нелинейным, отмеченным спонтанными трансформациями и временными разрывами, *востребует новую форму своего социологического осмысления*. Научное познание как способ поиска истины, опирающийся на определенные интеллектуальные процедуры, в его позитивистской форме, сложившейся в эпоху модерна в контексте западной цивилизации, в современных условиях может претерпевать некоторые изменения.

Представляется, что анализ эпистемологических оснований экономического знания и современной специфики социально-экономической жизни дал больше для становления социологического знания постмодернистского типа, чем оно само на сегодняшний день дало экономической социологии в плане обоснования исследовательских методов и подходов, а также раскрытия устойчивых связей в социально-экономической жизни. Однако для теоретического социологического осмысления экономических процессов постмодернизм все же дает эвристически значимые новации. Прежде всего, социологическое знание постмодернистского типа выявляет такие специфические тенденции современной социально-экономической жизни, как краткосрочность взаимодействий, трансформации социально-экономических пространств под влиянием информационных потоков, автономия виртуальных денег от реальной экономики, отсутствие конвертации экономического роста в улучшение качества жизни в глобальном масштабе и др.

Далее, постмодернистский подход к анализу социально-экономических реалий отвечает такому важному признаку социологического знания, как *проблематизация* наблюдаемых обыденных явлений и процессов, в противоположность, например, экономической теории, которая ориентирована на редукцию к обыденному [Радаев, 2002: 5]. Постмодернисты постоянно увеличивают количество анализируемых связей и отношений объектов исследования, находят в них новые аспекты и грани, например, такие как ориентация на производство и потребление знаков, приоритет производства информации перед производством товаров и т.д. При этом они, в отличие от классических подходов, не расставляют приоритеты, не акцентируют детерминистские и функциональные связи, не выстраивают целостной, логически связанной картины реальности, а, напротив, раскрывают ее множественность, нелинейность, спонтан-

ные разрывы и парадоксальность. Характерен семиотический подход Ж. Бодрийера к анализу роли денег в современном обществе, которые он описывает как знаки, свободные от "архаической обязанности" что-либо обозначать [Бодрийер, 2000: 52]. Из этого делается вывод, что деньги приобрели способность быть означающим для самых разных смыслов в зависимости от контекста.

Благодаря ориентации на проблематизацию новейших социально-экономических реалий на стыке постмодернизма и рациональной социологии складываются оригинальные социально-экономические теории, подобные теории "информационного капитализма" М. Кастельса, "дезорганизованного капитализма" и "хозяйства знаков и пространств" Дж. Урри и С. Лэша, "текущей современности" З. Баумана, и др.

Становление постмодернистской парадигмы и трансформации эпистемологических оснований социально-экономического знания. Фундаментальная проблема, решаемая в процессе становления постмодернизма, - проблема структурного соотношения знания, в том числе социально-экономического, и реальности. Одним из предшественников **социологических** подходов постмодернистского типа является французский структуралист М. Фуко. В своей "археологии гуманитарного знания" он рассматривал эволюцию экономического знания в контексте изменения *эпистем* -внеличностных логических структур, обуславливающих возможность и характер как абстрактных научных, так и вненаучных, обыденных знаний. Эпистема является общей для разных сфер теоретических научных знаний и практик, ее можно обнаружить во всех формах теоретической и практической активности определенной исторической эпохи: "если предполагается, что в системе потребностей обмен соответствует подобию в системе познания, то очевидно, что в эпоху Возрождения одна и та же конфигурация *эпистемы* контролировала знание о природе и рассуждения и практику, относящиеся к деньгам" [Фуко, 1997: 199]. М. Фуко интересуется *не содержанием* научных, в том числе экономических теорий и их эволюция, а *структуры знания*, определяемые соотношением "слов и вещей". В ренессансном мышлении слова и вещи находились в отношении естественного тождества, образовывали единый текст, понятия экономических концепций имели непосредственную референцию в самих отношениях обмена и накопления богатства, в их основе лежало непосредственное тождество денег как знака, их ценности как металла и, с другой стороны, цен на обмениваемые людьми товары.

Классическая эпистема научного знания Нового времени соизмеряет слова и вещи уже не на основе их естественного единства, а исходя из искусственного тождества и различия *в системе мышления*, ориентированного на упорядочение представлений о мире: "Основная проблема классического мышления касалась отношений между *именем и порядком*: открыть *номенклатуру*, которая была бы *таксономией*, или же установить систему знаков, которая была бы прозрачной для непрерывности бытия" [Фуко, 1997: 235]. Деньги представляются знаком реального богатства, возможным в силу универсальных отношений обмена.

Современная эпистема, которая сформировалась в конце XVIII - начале XIX вв. и сохраняет актуальность по сей день, ориентирована на области бытия, ранее выходившие за рамки метафизического познания: жизнь в естественной истории, труд и производство в экономике, язык в философии. Здесь прозрачные классические отношения репрезентации утрачивают однозначность, становятся подвижными. В рамках современной эпистемы познанием движет уже не рациональное упорядочение, а поиски ответов на вопрос о соотношении человека в его конечном бытии и историко-культурной и познавательной ограниченности с разворачивающейся во времени историей [Автономова, 1997: 13 - 16].

В современном экономическом знании противоположные парадигмы соотношения человека и истории создают, с точки зрения М. Фуко, Д. Рикардо и К. Маркс. Для Рикардо это линейное развитие на основе постепенного установления равновесия между потребностями людей и производством средств их удовлетворения. Для К. Маркса - росту производства соответствует динамика интересов непосредственно

занятых в нем людей, потребности которых не удовлетворяются вследствие порочности общественного порядка, и его изменение постепенно становится их исторической целью. Однако, с точки зрения "археологии знания" М. Фуко, важно не столько содержательное различие между пониманием исторических перспектив социально-экономических процессов у Д. Рикардо и К. Маркса, сколько то, что "эта альтернатива лишь свидетельствует о двух возможных подходах к рассмотрению отношений антропологии и истории, устанавливаемых экономией через посредство понятий редкости благ и труда... Но и то и другое суть лишь производные различия... На глубинном уровне западного знания марксизм не вызывает никакого реального разрыва... марксизм внутри мышления XIX в. - все равно что рыба в воде" [Фуко, 1997: 286]. Главное в современной эпистеме - такая структура знания, где совпадают историчность экономики, конечность человеческого бытия и приближение конца Истории в той или иной форме.

Таким образом, экономическая теория в контексте современной системы знаний, независимо от ее содержания, основывается на структурном соответствии между, с одной стороны, реальностью социального бытия человека, его разнообразными потребностями, экономики как сферы общественной жизни, ориентированной на удовлетворение этих потребностей, и, с другой стороны, познания механизмов ее функционирования, которым приписывается универсальный характер.

Дальнейшее развитие научного знания приводит к возникновению новых структурных соотношений знания и познаваемой реальности. Поиску ответа на вопрос о возможности научного, в том числе и социального, знания в современном информационном обществе Ж. -Ф. Лиотар посвятил работу "Состояние постмодерна" (опубликована в Париже в 1979 г.). По его мнению, в сфере осмысления экономики проявляются те же процессы и те же проблемы, которые приводят к изменению характера научного знания в современном обществе.

Сущность знания в современном обществе можно определить, только узнав само общество. Однако, согласно Лиотару, для определения природы современного информационного общества не годятся выработанные классической социологией определения социальности, во-первых, через функциональное единство, как предложил Т. Парсонс, во-вторых, через диалектические противоположности и борьбу классов, как это делал К. Маркс. Обе логики приводят, в конечном счете, к тому, что знание становится средством управления, повышения эффективности, производительности, или борьбы со старой системой и программирования новой.

Согласно Ж. -Ф. Лиотару, в основе постмодернистской науки лежит кризис науки модернистской, обусловленный двумя причинами. Во-первых, она не выдерживает соотнесения ее достижений с критериями морали, эффективности, "блага человека" и т.д. и в современном информационном обществе превращается в средство обогащения и господства узких элитарных групп над обществом. Так, экономическая наука не только не смогла решить проблемы периодически возникающих кризисов и не дала рецептов достижения всеобщего благосостояния, но и оказывается инструментом в руках бизнес-элит и транснациональных компаний, осуществляющих свою деятельность вопреки интересам реального хозяйства и удовлетворения потребностей народов в стабильном экономическом росте.

Во-вторых, классическая наука эпохи модерна ориентировалась на "метанарративы" - "большие рассказы", определявшие ее общие цели, методы и институциональные средства. Под модернистскими "метанарративами" понимаются идеи Прогресса, "эмансипации человечества" и т.д., упорядочивающие и легитимирующие знания в обществах Нового времени [Лиотар, 2005: 154 - 155]. В основе возникновения "метанарративов" лежит потребность науки общества модерна в собственной легитимации, в определении оснований для присвоения высказываниям статуса научных и истинных. Для этого служит философское знание, которое, собственно, и порождает "большие рассказы", "метанарративы" как *эпистемологические конструкции*, приносимые в науку и обуславливающие возникновение представлений об универсальности,

объективности (верифицируемости и фальсифицируемости) знания, а также его эффективности. Соответственно, для экономической науки это были "метанарративы" обеспечения устойчивого баланса между потребностями общества и его производственными возможностями, который бы создал основу для роста благосостояния и свободы экономической самореализации членов общества.

По мнению Лиотара, постмодернистская наука в современном информационном обществе больше интересуется не стабильностью и универсальностью, а "неопределенностями, ограничениями точности контроля, квантами, конфликтами с неполной информацией, "fracta", катастрофами, прагматическими парадоксами". Поэтому она "строит теорию собственной эволюции как прерывного, катастрофического, нескладного, парадоксального развития. Она меняет смысл слова "знание" и говорит, каким образом это изменение может происходить. Она производит не известное, а неизвестное. И она внушает модель легитимации, не имеющую ничего общего с моделью наибольшей результативности, но представляющую собой модель различия, понимаемого как паралогия" [Лиотар, 1998: 143].

Лиотар утверждает, что "сегодня как никогда ранее узнать что-либо об обществе означает, прежде всего, выбрать способ постановки вопроса, который также является способом получения ответа" [Лиотар, 1998: 40]. В перспективе постмодернизма характер социальной связи определяется через дискурсивную разнородность, в основе которой лежат "языковые игры" как "необходимый для существования общества минимум связи" [Лиотар, 1998: 46]. Существует несводимое множество языковых игр, каждой из которых соответствуют собственные правила и критерии компетенции. На этой основе и следует определить сущность знания, в том числе социального и экономического.

Поэтому на место поиска легитимирующих "больших рассказов" приходит большое количество "малых нарративов", не претендующих на универсальность, легитимных только в локальных сообществах и для узкой постановки вопроса. Исчезает потребность в универсальном метаязыке и критериях научности и истинности, а также эффективности, справедливости, красоты и т.д. Так рождаются локальные теории, которые бесконечно умножают предмет социального знания постмодернистского типа, но не создают ни единой методологии и категориального аппарата, ни целостной картины мира как системы координат, которая бы позволила однозначно ориентироваться в обществе или в экономике, опираясь на критерии научности, истинности и эффективности. Поэтому знание постмодернистского типа, как никакое другое научное направление, связано с социокультурным контекстом деятельности ученых, с пониманием научной истины как "социально заданной перспективы" [Судас, 2004: 15]. Анализ постмодернистской проблематизации социально-экономического развития позволяет понять характер социального запроса на научное знание и тенденции становления общественной мысли.

Как отмечает П. Андерсон, социальным аналогом постмодернистского знания "малых нарративов" становится "тенденция к использованию во всех сферах человеческого бытия (профессиональной, аффективной, сексуальной, культурной, политической) временного контракта, который является более экономичной, гибкой и творческой связью, чем обязательства эпохи модерна" [Андерсон, 2011: 39]. Однако представителям постмодернизма как социальным мыслителям не удастся уйти от вопросов "большой истории" и "большой экономики". Прежде всего, это вопрос судьбы капитализма как господствующего в современном обществе способа производства и, одновременно, самого влиятельного, наряду с либеральной рыночной теорией, метанарратива рубежа XX-XXI вв. И именно сейчас стало наиболее очевидно единство мировой экономики, политики, даже культуры в контексте глобальной экономики, глобального рынка, активно продвигаемых "общечеловеческих ценностей", реально представляющих собой либеральные ценности западной цивилизации.

В поисках выхода из возникшего противоречия Ж. Бодрийяр обращается к семиологической перспективе, в то время как Ж. -Ф. Лиотар ищет объяснений в онтологии.

Он перестает рассматривать капитализм как социально-экономическую систему и определяет его как "фигуру", которая "черпает силу из идеи бесконечности. Он может проявляться в человеческом существовании как желание денег, желание власти или желание новизны... эти желания - антропологическая трансляция чего-то такого, что онтологически является "конкретизацией" бесконечности воли" [цит. по: Андерсон, 2011:47].

Особенно характерной представляется точка зрения на современный капитализм как экономическую систему американского ученого Ф. Джеймисона. По мнению П. Андерсона, благодаря его эссе "Постмодернизм - культурная логика капитализма" (1984) состояние постмодерна стало увязываться с "объективными изменениями в экономическом порядке самого капитала", а не с эстетическими или эпистемологическими разрывами [Андерсон, 2011: 74].

Обращение представителей постмодернизма к проблемам сущности капитализма в контексте его современных трансформаций свидетельствует о том, что желание уйти от "больших нарративов" остается для них пока не реализованным. В то же время не декларирующие свой радикальный постмодернизм исследователи реализуют эту программу даже более последовательно через реальный уход от создания фундаментальных теорий современного общества и сосредоточение внимания на разнообразных локальных аспектах его жизни, сводимых даже не к теориям среднего радиуса действия, а к "изучению случая". "Большие нарративы" заменяются "малыми", образующими расплывчатую совокупность локальных знаний об обществе вместо стройной системы, пронизанной причинно-следственными или функциональными связями.

Анализ социально-экономических реалий современного общества в концепциях постмодернистского типа. Отказ от "больших нарративов", их критический пересмотр в постмодернистских подходах к социально-экономическому знанию побуждает представителей этого направления обращаться к пересмотру идей К. Маркса как автора одной из последних "гранд-теорий", претендующей на универсальные объяснительные возможности.

Ж. Бодрийяр начинает многие свои теоретические построения с критики марксовской теории. Вслед за К. Марксом он называет капиталистическое общество с присущими ему институтами и отношениями *исторической стадией политической экономии*. Политэкономия как наука рассматривает закономерности развития реальных рыночных процессов. При этом она исходит из определяющего, хотя и опосредованного, воздействия экономических отношений на прочие общественные отношения и институты - социальную структуру, политические интересы и выражающие их отношения между классами, партиями, государствами, а также нравственность, культуру и прочие сферы. Ж. Бодрийяр проводит аналогию между функциональным и структурным измерением языка у Ф. де Соссюра и базовым основанием политэкономии К. Маркса: "потребительная стоимость играет роль горизонта и целевой установки в системе меновой стоимости - первая характеризует конкретную операцию, осуществляемую с товарами в ходе потребления (момент, аналогичный десигнации знака), вторая же отсылает к способности всех товаров обмениваться друг на друга по закону эквивалентности (момент, аналогичный структурной организации знака), и обе они диалектически соотносятся на протяжении всего Марксова анализа, определяя рациональное устройство производства, регулируемого политической экономией" [Бодрийяр, 2000: 51 - 52]. Эта аналогия позволяет обосновать отказ от утверждавшихся Марксом отношений детерминированности между экономической сферой и другими сферами жизни общества. Далее, в условиях капиталистического производства, согласно Бодрийяру, исчезает соответствие означающего и означаемого как меновой и потребительной стоимости, что приводит к замене рыночной формы организации экономики на "структурную форму ценности", которая и регулирует современную экономическую систему [Бодрийяр, 2000: 54]. Замена детерминированности на эквивалентность позволяет Бодрийяру отвергнуть "большой нарратив" политэкономии модерна как "линейный дискурс": "Воцарение недетерминированности" в сфере экономики более не позволя-

ет мыслить ее как "детерминирующую инстанцию" по отношению ко всем остальным сферам общественной жизни, подобно марксовым отношениям между базисом и надстройкой [8, 55].

Однако этим критика Маркса у Бодрийера не ограничивается. Для Маркса, как и для других представителей модернистского экономического и социального знания, все хозяйственные процессы и институты подчинены удовлетворению *реальных* потребностей людей. Отсюда и соответствие между меновой и потребительной стоимостью, которое в постмодернистском знании утрачивают детерминирующую роль. По мнению Ж. Бодрийера, это происходит потому, что Маркс в основу анализа кладет "неверное", "мифологизированное" понятие стоимости: Маркс мыслил в контексте политэкономического дискурса и эпистемы своего времени, абсолютизируя при этом соответствие потребительной и меновой стоимостей. Это не позволило ему адекватно выявить структурные составляющие стоимости, что привело к смешению различных логик, которые, по мнению Ж. Бодрийера, необходимо различать при анализе экономических процессов.

Какие же логики остались не замеченными и не учтенными Марксом, но ставшие предметом рассмотрения Бодрийера? В своих работах этот автор выделяет четыре логики, которые являются результатом последовательного освобождения предмета потребления от "психических характеристик, определяющих его в качестве символа; от функциональных характеристик, определяющих его в качестве предмета утвари; от торговых характеристик, определяющих его в качестве продукта" [Дьяков, 2008: 48]. В функциональной логике *потребительной стоимости*, являющейся логикой практических операций и *полезности*, предмет предстает в качестве *орудия*. В экономической логике *менной стоимости* как логике *рынка* и эквивалентного обмена, предмет выступает в качестве *товара*. В логике *символического обмена* - логике амбивалентности и *дара*, предмет выступает в качестве *символа*. В логике *стоимости/ знака*, представляющей собой логику *различия и статуса*, предмет становится *знаком* [Бодрийер, 2003: 57].

Согласно Ж. Бодрийеру, политэкономия нуждается в современном переосмыслении именно в последней логике, позволяющей "демифологизировать" экономическое знание путем освобождения его от представлений о детерминированности удовлетворением практических или символических потребностей. Удовлетворение потребностей, полезность и потребительная стоимость предметов, по мнению французского социолога, является лишь внешним, обыденным аспектом, лежащим на поверхности экономической жизни. Фундаментальным по отношению к нему является латентный и неосознанный социальный дискурс демонстрации, различения и значения, который необходимо видеть за поверхностью потребления и производства: "Дело обстоит совсем не так, словно бы первичным статусом предмета была социальная знаковая стоимость, - наоборот, фундаментальным является знаковая меновая стоимость, так что потребительная стоимость подчас оказывается просто ее практическим приложением (или даже простой реализацией)" [Бодрийер, 2003: 9].

Именно *проблематизация латентного социального дискурса* является характерной особенностью рассмотрения экономических процессов в контексте социального знания постмодернистского типа. При этом не стоит забывать, что исследователи вовсе не отрицают явные, очевидные цели этих процессов, их практическую сущность. Поэтому часто задаваемый в ходе дискуссий вопрос о том, "едите ли вы реальный хлеб или знак?" не корректен по отношению к познавательным установкам постмодернизма. Естественно, никто не отрицает реальность потребительских, утилитарных функций продуктов питания, орудий труда, утвари и т.д. Реальны и экономические процессы - производство, потребление, труд, обмен и т.д. Их закономерности являются предметом рассмотрения экономической науки. Но в контексте *социологического* знания постмодернистского типа ставится задача раскрыть их *латентные социальные основания*, которые интерпретируются в специфической логике, в том числе и в семиотической. Так, первичный для Маркса анализ производства прибавочной стоимости и следующий за ним анализ социальных отношений в капиталистическом

обществе Ж. Бодрийяр заменяет анализом "социальной грамматики" потребления и соответствующей ей кодировки производства, труда, денег и прочих аспектов экономической жизни общества.

По Бодрийяру, все известные экономические, социальные, политические институты капиталистического общества (труд, производство, фабрика, накопление, потребление, власть, профсоюзы и т.д.) в условиях постмодерна прекращают свое существование. Однако они не разрушаются в результате революции и перехода на новый уровень социально-экономического развития, как предполагал Маркс, а заменяются в процессе саморазвития капитала *подобиями-симулякрами*. Это обусловлено утратой соответствия означающего и означаемого как меновой и потребительной стоимости, денег и реального богатства, заработной платы и труда и т.д. Прежние отношения референции заменяются свободной "игрой" знаков *по принципу кодировки*. Суть этих изменений состоит в безусловной универсализации капитала не как расширенного воспроизводства и присвоения прибавочной стоимости, опирающегося на классовое господство и силовой аппарат государства, а через всепроникающие *системы кодов*, освобождающие экономику от привязки к материальным и практическим процессам - промышленным, торговым, потребительским, а также классовым, идеологическим, нравственным отношениям.

И производство, и труд в постмодернистской перспективе рассматриваются вне связи с потребностями, на удовлетворение которых они ориентированы, и вне их детерминации какими-либо объективными общими законами. Они выступают в качестве "дискурса", просматривающегося через материальную очевидность машин, предприятий, изделий, технологий, рабочего времени, заработной платы, рынка, капитала [Бодрийяр, 2000: 60]. Производство-код принимает все более универсальный характер, независимо от его практической полезности или вредности, прибыльности или убыточности, оно стремится подчинить все себе и оставляет "метки" на всем.

По мнению Ж. Бодрийяра, через этот код, а не реальный процесс труда, воспроизводится принадлежность человека обществу, осуществляется социализация, более эффективная, нежели прежняя социализация через участие в реальном производстве, ибо здесь не имеет значения, чем, где, сколько времени, каким образом, с какой квалификацией, за какое вознаграждение, в какой социальной среде и т.д. занят человек - важно, что он занят, то есть несет на себе знак причастности к универсальной сети, является ее ячейкой. Важно, что люди "приставлены к делу", а значит, "учтены", поддаются тотальному контролю и управлению, обеспечиваемому не обществом, как утверждали сторонники **социологического** реализма, а всепроникающим кодом.

Рассмотрение экономики по принципу кода, вне ее детерминированности потребностями общества и какими-либо объективными законами позволяет Ж. Бодрийяру дать собственное объяснение парадоксу экономического роста в современном обществе: при видимом ускорении обращения капитала и росте производительности, совершенствовании технологий и становлении общества массового потребления в экономически развитых странах в масштабах всего человечества оказываются не преодоленными ни голод, ни бедность, ни отсталость. По существу, экономический рост не означает реального *хозяйственного* прогресса, повышения уровня и качества жизни людей, уменьшения бедности, безработицы, сокращения разрыва между доходами бедных и богатых т.д.

Так происходит, с точки зрения Бодрийяра, потому, что рост экономики "не ориентируется больше ни на потребности, ни на прибыль. Он представляет собой не ускорение производительности, а структурную инфляцию *знаков* производства, взаимоподмену и убегание вперед любых знаков, включая, разумеется, денежные знаки... Задачей становится производить что угодно, по принципу реинвестирования любой ценой (вне зависимости от нормы прибавочной стоимости)" [Бодрийяр, 2000: 74]. Таким образом, "конец классической политэкономии" как науки в постмодернистской перспективе означает, что в новую эпоху уже неправомерно говорить о детерминирующем воздействии хозяйственно-экономических отношений на все остальные. Это связано с тотальной "отменой" референции в понимании не только значения, но и

истории, культуры, социальных связей, политических отношений, производства и потребления и т.д. В постмодернистской парадигме экономика более не оказывает детерминирующего воздействия ни на что, кроме себя самой, и сама, в свою очередь, определяется не реальными потребностями людей и общества, а собственными закономерностями: "Плавающий курс валют и знаков, зыбкость "потребностей" и целевых установок производства, зыбкость самого труда - подстановочный характер всех этих элементов, сопровождающийся безудержной спекуляцией и инфляцией (у нас теперь поистине царство *полной свободы* - вообще ни-к-чему-не-привязанности, никому-не-обязанности, ни-во-что-не-верия;...), - ничего подобного Соссюр или Маркс даже не предчувствовали; они еще жили в золотом веке диалектики знака и реальности, который одновременно был "классическим" периодом капитала и стоимости. Ныне их диалектика распалась, а реальность погибла под давлением фантастической автономизации ценности. Детерминированность умерла - теперь царица недетерминированность" [Бодрийяр, 2000: 52].

Менее радикальные представители **социологического** знания постмодернистского типа не ставят столь остро вопрос о тотальной утрате референции и детерминации, выявляют такие особенности социально-экономических отношений в современном обществе, как кратковременность, "текучесть" (З. Бауман), нарушение соответствия между реальной и финансовой экономикой (З. Бауман, М. Кастельс), приоритет производства и потребления знаков перед производством и потреблением продуктов (Дж. Урри, С. Лэш). Финансовые капиталы в глобальной экономике обращаются в виртуальном пространстве практически независимо не только от производства, но и от коммерческих операций, то есть от рынка. При этом основные прибыли извлекаются именно в сфере виртуальных финансов, а реальная экономика становится, по оценке М. Кастельса, "нереальной", т.к. выступает "либо в качестве основы для получения необходимых свободных средств, которые можно было бы вложить в глобальные финансовые потоки, либо же в качестве результата уже помещенных сюда капиталовложений" [Кастельс, 1999]. А предпосылкой для освобождения виртуальных финансов от детерминированности реальными экономическими процессами выступает формирование информационного "пространства потоков", приобретающего автономию от физического, экономико-географического "пространства мест" и преобразующего его соответственно собственной логике (М. Кастельс).

Авторы теорий "дезорганизованного капитализма" и "хозяйства знаков и пространств" С. Лэш и Дж. Урри показывают, что качественная специфика современного хозяйства состоит в преобладании знаковых систем, гиперреальности над реальным производством и потреблением, детерминированным устойчивыми социальными структурами. Господство знаков над жизнью людей в современном обществе обусловлено постепенным вытеснением производства материальных объектов производством знаков: это либо "информационные товары" с преобладающим когнитивным содержанием (компьютеры, программное обеспечение и т.д.), либо собственно "постмодернистские товары", в которых их знаковое содержание, например, дизайн, преобладает над утилитарным, потребительским. Современное общество производит гораздо больше информации и знаков, чем люди могут воспринять, что приводит к нарастающей утрате репрезентации: "Людей просто атакуют различными обозначаемыми, и им все труднее становится соотносить с ними определенные "обозначаемые", или смыслы... В этом смысле - ввиду возрастающего изобилия и скорости обращения культурных артефактов - постмодернизм представляет собой не столько критику модернизма или радикальный отказ от него, сколько радикальное *преувеличение*. Он более современен, чем сама современность. Постмодернизм гиперболизирует процессы возросшей скорости оборота и уменьшения срока службы субъектов и объектов" [Лэш, Урри, 2004: 602].

Однако что же приводит к столь радикальному повышению роли символов и знаков в социально-экономической жизни, что отношения репрезентации и детерминизма практически утрачиваются? По мнению представителей постмодернизма, это резко возрастающая *скорость* социально-экономических взаимодействий. Информацион-

ные потоки, позволяющие осуществлять взаимодействия в глобальных масштабах и при этом в реальном времени, основываются на технических возможностях телекоммуникационных сетей, охвативших весь мир. Дж. Урри даже вводит особое понятие "русел", под которыми он подразумевает технологические системы коммуникаций различных видов, от транспортных до систем передачи символов, которые образуют основу формирования информационных потоков и социальных сетей [Urry, 2000]. Ж. Бодрийяр, М. Кастельс, З. Бауман и другие социологи, ориентированные на анализ общества постмодерна, неоднократно обращаются к работам М. Маклюена, который показал, как технологическая специфика используемых средствами массовой информации сигналов, символов, кодов обуславливает особенности передаваемых сообщений и формируемых символических систем [Маклюен, 2003]. Гиперреальность как пространство знаков была бы не возможна без современных информационных технологий.

Таким образом, социологи приходят, в конечном счете, к детерминированности состояния постмодерна как особой социально-экономической реальности возможностями современных технологий. Здесь, наверное, не стоит говорить о возвращении в науку технико-технологического детерминизма У. Росту и Д. Белла, поскольку сами авторы эти отношения многократно усложняют и опосредуют трансформациями ментальных систем и таких базовых универсалий социального знания, как социальное время и социальное пространство.

В заключение следует подчеркнуть, что концепции постмодернистского типа, не занимаясь специально исследованием социально-экономической сферы жизни общества, проблематизировали эту сферу и обратили внимание на наличие в ней новых явлений, связей и отношений. Не создающие целостной научной картины мира и единого категориального аппарата постмодернистские концепции интересны не столько аналитическими, сколько эвристическими возможностями. Они позволили сформулировать ряд проблем современного социально-экономического развития, оставшихся вне поля зрения классического научного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономова Н. С. Мишель Фуко и его книга "Слова и вещи" // Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1997.
- Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Территория будущего, 2011.
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
- Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга, 2003.
- Бутенко И. А. Постмодернизм как реальность, данная нам в ощущениях // Социол. исслед. 2000. N4.
- Дьяков А. В. Жан Бодрийяр: стратегии "радикального мышления". СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008.
- Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева). М., 1999.
- Кравченко С. А. Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов. М.: МГИМО-Университет, 2010.
- Кравченко С. А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления. М.: Анкил, 2010.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: И-т экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998.
- Лэш С., Урри Дж. Хозяйства знаков и пространств // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004.
- Маклюен М. Понимание медиа. М.: Канон-Персс-Ц, Кучково поле, 2003.
- Радаев В. Еще раз о предмете экономической социологии // Социол. исслед. 2002. N 7.
- Судас Л. Г. Постмодернистская альтернатива в социологии. М.: Макс-Пресс, 2004.
- Тощенко Ж. Т. Социология: пути научной реформации // Социол. исслед. 1999. N 9.
- Тощенко Ж. Т. О понятийном аппарате социологии // Социол. исслед. 2002. N 9.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1997.
- Urry J. Sociology Beyond Societies. London: Routledge, 2000.